

ТРАДИЦИОННАЯ «НЕТРАДИЦИОННОСТЬ»: ГЕЙ И КУЛЬТУРА

Наумов О.Д.

научный руководитель д-р филос. наук Круглова И.Н.

Сибирский федеральный университет

Гей является одним из самых противоречивых персонажей современной культуры. С одной стороны он фактически выступает творцом культуры, с другой – это маргинальный субъект, маркированный обществом клеймом репрессированного меньшинства.

XX век, прошедший под эгидой раскрепощения сексуальности, не изменил традиционной культуры отношения к гею, но кардинально изменилось положение гея в культуре. Несмотря на то, что образ гея в обыденном сознании продолжает тянуть за собой шлейф негативных коннотаций, влекущих за собой в том числе гибель представителей ЛГБТ-сообщества – гей становится своеобразным героем-символом современной массовой культуры. Как объяснить данное противоречие, в чем источник репрессивного подавления гомосексуальности в культуре, основывающейся на «нетрадиционном» фундаменте?

Обращение к истории гомосексуализма, послужившей одной из отправных точек философствования М.Фуко, показывает, что феномен гомосексуальности так или иначе существовал во всех культурах на всех этапах их исторического развития. Он пронизывает собой пространственно-временные рамки от античной Греции и Рима до наших дней. Меняется лишь социально-культурное положение гомосексуала: от наставника в практике заботы о себе до модного тренда современной культуры – героя шуток и иконы стиля одновременно.

Современная культура наследует свое отношение к гею от викторианской эпохи, в этом смысле являясь ее продолжением. В классическую эпоху гомосексуал наряду с истерической женщиной, мастурбирующим ребенком и безумцем (к которому, кстати, и причисляли гомосексуала на заре Нового времени), понимался в качестве маргинального субъекта сексуальности. Это были изгои, не обладавшие внятной артикуляцией в социокультурной реальности. Такое положение указанных персонажей объясняется лишь тем, что они не вписывались в легитимные рамки сексуальности, установленной обществом и государством, понимавшими сексуальность прежде всего как условие обеспечивающее продолжение рода. Таким образом, гомосексуал Нового времени – это, прежде всего сторонник определенной сексуально-телесной практики, не вписывающийся в силу инаковости этой практики в общий поток социальной и культурной жизни. Из-за того, что социокультурная реальность стоит на ассиметричных началах, бинаризмах, в том числе «норма»/«патология» гомосексуальный субъект не обладает возможностью к дискурсу – его язык, также как женская истерия – не понятен, а значит, чужд и враждебен классической эпохе. Другими словами, всякий, кто не соответствует общим правилам – извращенец, уклонист, бродяга. Следовательно, субъекта необходимо изолировать, а дискурс – скрыть. Гомосексуал и его дискурс становятся секретом, который общество тщательно скрывает.

Именно такие общественные секреты исследует М.Фуко в «Истории сексуальности», в которой он одним из первых начинает говорить о гомосексуальности как ярлыке, с помощью которого институты власти маркируют и контролируют людей. Другими словами, указывая на политическую ангажированность репрессий в отношении «нетрадиционного» философ предоставляет ему возможность высказаться. Таким образом, именно во второй половине XX века гомосексуал, получая

возможность высказаться, начинает бороться за свои права, превращаясь тем самым в гея. В это же время начинает формироваться не только самостоятельная культура ЛГБТ-сообщества, но и прочно утверждается образ гея в качестве символа современной массовой культуры. Другими словами, гомосексуальность становится своеобразным модельным типом идентичности, влекущим за собой очередную постановку вопроса об идентичности. Это означает, что традиционная однозначность и тождественность уступают место множественности, различности – тому, что позже будет концептуально оформлено в *queer*-идентичность, не равной личности, самости, Я. По мнению А.Ашкерова, идентичность в данном контексте есть «отношение к своим возможностям и ресурсам как к предмету капитализации».

Понимание гея в качестве персонажа массовой культуры становится возможным благодаря тому образу гомосексуала, который сформировала культура конца XIX-начала XX века, поскольку именно тогда на ее горизонте появился гомосексуал, лишенный коннотаций психиатрического дискурса. Другими словами, гомосексуал данной эпохи – это автономный, суверенный маргинальный субъект, главная особенность которого заключается в том, что «ничто из того, чем он является в целом, не ускользает от его сексуальности. Она присутствует в нем повсюду, является подкладкой всего его поведения, поскольку она является его скрытым и бесконечно активным принципом; она бесстыдно написана на его лице и на теле, поскольку она – тайна, которая все время себя выдает. Она присуща ему не столько как греховная привычка, сколько как его особая природа». Заслуга этого времени в том, что гомосексуальность начинает определяться не через причастность к определенным сексуальным практикам, а через определенный тип сексуальной чувствительности, то есть гомосексуальность становится определенной фигурой сексуальности: «содомист был отступником от закона, гомосексуалист является теперь видом». Образ гомосексуала в начале XX века – это своеобразная квинтэссенция сексуальности, тотальная фиксация на получение наслаждения; нечто, противостоящая необходимости, репрессивному труду и отчуждению – именно поэтому Г.Маркузе рисует картину нерепрессивной цивилизации при помощи гомоэротичных образов Нарцисса и Орфея.

Образ современного гея также противоречив, как образы Орфея и Нарцисса. Во-первых, логическая оппозиция «гетеросексуальное»/«гомосексуальное» указывает на амбивалентное положение «гомосексуального». Это и внутреннее и внешнее по отношению к «традиционно» доминирующему «гетеросексуальному». Своеобразная диалектика противоположностей, не находящих своего разрешения. Это сосуществование внешнего и внутреннего, приватного и публичного находит свое выражение в известном образе чулана, созданном Ив Сэджвик, благодаря деструкции фукианского наследия. «Чулан» у Сэджвик никогда не является чем-то сугубо внутренним и замкнутым, его основная характеристика – перформативность. То есть логическая структура «чулана» определяется как одновременно «внутренняя» и «внешняя», характеризующаяся параметром действия. Следовательно, гомосексуальность как вид идентичность – это перформативная идентичность, в которой смысл действия никогда неотделим от контекста.

Во-вторых, современный гей это одновременно основной герой общества потребления и массовой культуры, с одной стороны, и главный заказчик данных культурных феноменов с другой стороны, поскольку не существует ни одного тренда массовой культуры потребления, который не заинтересовал бы гей-сообщество. Изменения в социальной и экономической жизни во второй половине XX века позволяют гей-сообществу заявить о себе в качестве коллективного субъекта, определяющего ритмику моды – фундаментального основания массовой культуры

потребления. Это повлекло за собой отождествление творческого и производственного процессов. Таким образом, гомосексуализм как вид идентичности трансформируется из определенной сексуально-телесной практики в модель социокультурного поведения, главной целью которого становится получение удовольствия. Другими словами, гей как субъект желания превращает желание в тотальность общественных отношений, преследующих в качестве цели только одно – реализацию принципа удовольствия, то есть относиться ко всему лишь в качестве объекта желания, объекта, из которого все желаемое может быть эксплицировано. В результате происходит совпадение принципа удовольствия как экономического принципа – экономики удовольствия с экономикой человеческой идентичности, поскольку принцип идентичности, согласно А.Ашкерову, не только принцип извлечения собственных возможностей, но и принцип конвертации этих возможностей в удовольствие.

Очевидно, что главным принципом, формирующим сознание и поведение современного гея, является экономически прочитанный принцип удовольствия. Именно он является тем контекстом, в котором разворачивается представление гомосексуальной идентичности. Гей-сообщество, таким образом, перестает быть самотождественным и всегда совпадает с такими понятиями как массовая культура, общество потребления, система моды. В связи с этим отчасти становится возможным указать те причины, которые формируют негативное восприятие современного гея – это проявления массовой культуры и общества потребления. Однако, данные феномены в настоящее время тотальны, следовательно, каждый им причастен, а значит, причастен и к гомосексуальности. В этом смысле репрессивный террор в отношении гей-сообщества, по мнению А.Ашкерова, это, прежде всего попытка не заметить, скрыть в себе представителя массовой культуры потребления. Но благодаря определенной эмансипации и легитимации, гей больше не является маргинальным субъектом культурной периферии – он равноправный участник социально-культурных процессов. Это позволяет отвечать ему на вызовы гетеросексуального «большинства».

Вместе с тем, именно коллективность современного гомосексуального субъекта – гей-сообщества вызывает к жизни феномены массовой культуры и общества потребления. Обращение к истории культуры позволяет выявить своеобразную закономерность – чем ниже степень сплоченности геев (или чем выше степень репрессий в отношении гей-сообщества), тем выше качество создаваемых им предметов культуры, по Ашкерову: «штучных произведений искусства». В связи с этим гей-сообщество, как социокультурный феномен, также двойственно: это либо катакомбное сообщество отверженных творцов, либо сплоченное общество потребителей. При этом необходимо отметить, что указанные противоположности вовсе не противостоят друг другу, а соотносятся в рамках сосуществования частного и публичного. Другими словами, гей – это двуликий субъект, имеющий принципиально противоположные друг другу образы в сфере частного и публичного. Политика двойных стандартов, таким образом, не только основа культуры ханжества викторианской эпохи, но и принцип, обуславливающий существование современного гея.

В этом смысле современная культура с ее откровенностью и раскрепощенностью – это культура двойного стандарта, культура ханжества, викторианства. Таким образом, исток негативного, репрессивного отношения к гею лежит в самом факте существования гея как своеобразного социокультурного феномена – в гомофобической интенции культуры всегда содержится нечто гомосексуальное. Современный гей, выступающий главным героем современной массовой культуры, является вместе с тем «другим, и тем же самым викторианцем» -

он обречен на вечное утаивание в «чулане» своей сущности и симуляции за его пределами.